

И.И. Надиров

Аллат — «творец всего»? (по хатрийским и пальмирским надписям)

В статье анализируются несколько арамейских надписей из Хатры и Пальмиры, датированных первой половиной II в. н.э., имеющих отношение, как показывает автор, к представлениям о древнеарабской богине Аллат. К известному ее эпитету у набатеев, «мать богов», приводимые тексты позволяют добавить еще один, «демиургический», говорящий о ней как о той, «кто создал все» (*bnwt kwl*), по аналогии с ханаанским богом и другими богами, персонажами этиологических мифов. Дается обоснование такого толкования. Необычное качество Аллат–ИшшарБел может объясняться влиянием Вавилона и Ассирии на Северную Месопотамию и Сирию, а также и следствием развития синкретических качеств Аллат и Афины.

Ключевые слова: Хатра, Аллат, ИшшарБел, Афина, Иштар, Душара, «творец всего», Набатея, Ка'ба, демиург.

В древних мифологиях широкую известность приобрело выражение «творец земли» и «творец земли и небес», указывающее на демиурга. Достаточно назвать гимн египетскому Атону, запечатленному во время фараона-еретика Эхнатона (XIV в. до н.э.), или 103-й псалом Библии, в которых отражаются эсхатологические воззрения двух народов и которые поразительно напоминают друг друга (Коростовцев, 2000, с. 393). Качеством демиурга наделен и исламский Аллах, «творец небес и земли» (Коран, 6:101).

Восточные перипатетики, аргументируя мысль о совечности Бога и мира, настаивали на том, что мир не возник во времени, а вечно существует, как и Бог, являясь следствием его сущности. Так, по ал-Фараби, «творец – это макрокосм в ее единстве» (Ал-Фараби, 1347 г.х., с. 5). К созвучному выводу приходит и Ибн Сина: «Мир возник не по воле Бога, а в силу непреложной необходимости» (Ибн Сина, с. 24). Следовательно, согласно этим представлениям, мир так же вечно-сущ, как и абсолютное начало — Бог, ибо причина и следствие существуют всегда одновременно. Для суфиев Бог, кроме того что является источником всего сущего, означает и целостность мира, его гармонию. Среди идей мусульманской теологии о происхождении мира есть и креационистская концепция, яркими адептами которой были татарские религиозные мыслители XVIII–XIX вв. А. Курсави и Ш. Марджани, создавшие свои собственные теории по данному вопросу, которые, однако, полностью соответствуют кораническому «Создателю внове небес и земли».

В качестве творца земли (*qnh dy r'h*) между тем в надписях Пальмиры и Хатры (X23) фигурирует Бээлшмин. Глагол *qnu* для передачи идеи творения нового отражен практически во всех семитских языках. Однако в корпусе хатрийских и пальмирских

טפול חכמת ו...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

надписей наше внимание привлекли несколько текстов, ведущих речь о богине-«устроительнице всего», которую звали Аллат.

В ходе работы над монографией, посвященной истории и культуре Хатры (Нади-ров, 2009), обсуждались по тем или иным поводам надписи X34 и X35. Здесь наш анализ касается клаузулы *bnyt kwl*. Текст надписи X34 гласит:

1. *byrh ʾdr šnt 446*
2. *šlmtʾ dy mrtbw kmrt[ʾ]*
3. *...[ʾ]šrbl bnyt¹ kwl dy ʾqym*
4. *lh bdʾ brh br ʾbdšb[tʾ]*
5. *br brʾ kmrʾ wʾ bdlbwš[ʾ]*
6. *ʾhwby ʾl hyyhwn wʾj*
7. *hyʾ bnyhwn wʾl hyʾ mn*
8. *dy rhy m lhwn šbw glpʾ*

1. В месяц март года 135.
2. Статуя Мартабу-жрицы
3. ...ИшшарБел, создательницы всего, которую поставил
4. ей Бара, ее сын и сын ʾАбдушабты
5. сына Бары-жреца, и ʾАбдулабуша
6. его брат, ради их жизни и ради
7. жизни их детей и ради жизни тех, кто
8. милостив к ним. Скульптор Шаббу.

Предлагается интерпретировать теоним богини ИшшарБел как «радость Бела» (Milik, 1967, p. 546–621).

Кроме названного предлагались разные восстановления теонима: «Место Бела», «Аишур-Бел», «Иштар Арбелы». Касаясь материала из Дура-Европос, отметим, что чтение собственных имен не бесспорно. Тем не менее они свидетельствуют о поклонении богу Иишшару. Например, Εἰσαρσας (Cumont, 1926, p. 446, No. 127, 7 — возможная гипокористика имени Иишшар-Шами «(бог) Иишшар есть (бог) Шами»; ʾA[β]δισαρσης, ʾAβδισαρον «слуга Иишшара» (или «слуга Душары?»), TEAD VI, p. 255–256, No. 776 (наше чтение); Βαθισαρη «дочь Иишшара», TEAD V, p. 124. Б. Аггула предпочитает здесь видеть Аишшара-бога (Аишшара-господина), что также не исключается: в Пальмире (IP, 11, 66, 1–2) ʾšr gnyʾ; «охраняющий дух стени» (IP, 12, 41, 1; Aggoula, 1979, p. 115).

Толкование «радость Бела» может быть поддержано другой хатрийской надписью, X35, датированной 238 г. Вот ее текст:

1. *bʾlwl šnt 549 šlmtʾ*
2. *dy qymy brt ʾbdsmʾ hmrʾ*
3. *ʾntt nšrʾ qb sprʾ d brmryn*
4. *dy ʾmrt lh ʾšrbl btlh*
5. *wʾyqymt lnpšh ʾl hyyh wʾl h[yʾ]*
6. *nšrʾ qb bʾlh wʾbsʾ ʾhwby [wʾl hyʾ]*
7. *dyrʾ klh gwytʾ wbrytʾ dbrmrn wmn*
8. *dy rhy m lhwn kwlh*

¹ *bnyt* : ср. SEG VII, 26; *Le Rider* 286: Βηλτιβανατις. *Grelot* 467.

1. В сентябрь года 549 (= 238 г. н.э.) статуя
2. Каймай, дочери 'АбдСамайи–винодела,
3. жены Нишр'акаб–писца Бармарена,
4. о которой говорила ей 'Ишшарбел-дева,
5. и поставила она себе во здравие свое и во здра[вие
6. Нишр'акаба, ее мужа, и 'Абсы, ее брата, и здравие
7. дома (храма) всего, изнутри и снаружи, Бармарена, и тех,
8. кто благодетельствован у них всех.

Надпись интересна по нескольким причинам. Во-первых, в ней впервые говорится о виноделии, поскольку она сделана под статуей *Qutu*, дочери винодела 'АбдСамайи (*h/hmr'*. Ср. *hmr* «вино»: RTP, 39, 526, 694–702. При этом, учитывая графическую близость *h* и *ḥ*, возможно и другое толкование: *hmr'* — «погонщик ослов; караванщик», от араб. *himār* «осел, ишак»). Во-вторых, ИшшарБел названа *btlh* «девственница» (ст. 4), что относится и к Афине, и к Аллат. Под эпитетом ИшшарБел — *'šrbt* — «радость Бела» (Milik, 1972, p. 374) скрывается, вероятнее всего, Аллат, поскольку в условиях синкретических ассоциаций эллинистического Ближнего Востока неизбежно появляется пара Зевс (Бел) — Афина (Аллат).

Еще раньше связь с араб. 'ашиар «радость, живость» увидел Ж. Старки (Schlumberger, 1951, p. 144), хотя отличие 'šr «радость» от 'šr «счастье, благополучие» выглядит необязательным. Кроме того, необходимо внести определенность в возникновение и другого имени. Термин 'tr (ханаанейское 'šr) дает 'tr в арамейском, откуда происходит 't(w)r «Аишур, Ассирия». Между тем имя бога Аишара в арамейских надписях Аишура передается через -s-: 'sr (No. 17071; Jensen no. 27–29) и однажды — в Хатре ('šrybrk X141).

Наконец, здесь также подразумеваются два вида общины: «внутренняя» (*gwyt'*) и «внешняя» (*bryt'*)².

Ж. Милик привлекает надпись из Ашшура 17449b: *dkyr... šdn' dy šr[k]t' šrbt [m]lkt' lt[b]* — «Да вспоминается... надзиратель³ синодии ИшшарБел-царицы добром» (Jensen-Andrae 1920, p. 19 и 27, No. 33). Ж. Милик восстанавливает третье слово: *šr[k]t* «сообщество», «компания», обозначающее среди арабов-христиан также и общину монастыря, соответствующую греч. *συνωδία* (Milik, 1972, p. 337–339). Бел — широко известный бог на Древнем Востоке, возглавлявший пальмирский пантеон и часто упоминаемый также в хатрийских надписях (здесь Белом был верховный бог Шамш), иногда отождествляется с Зевсом, главой греческих богов. Афина, богиня-девственница, была дочерью Зевса. В пальмирской ономастике *'šrbt* — это, вероятнее всего, эпитет Афины-Аллат, так как надписи сделаны в храме Аллат. Из того же пальмирского храма происходит надпись CD 37/76, в которой эпитет Афины Парфенос — «девственная» — приводится уже с именем Аллат (*btlt' 'lt*) (Drijvers, 1995, p. 111), и ей приносят жертвоприношения *msqyn* (лев. сторона, стк. 5–6). Здесь уместно напомнить, что в вавилонской религиозной традиции первоначальным титулом великой незамужней матери-богини было сочетание *belit ilāni*, но часто этот же титул сопровождал девственных богинь Иннины и Нинā, VL. 141. Напомним и то, что древне-

² Вполне закономерно предположение, что внутренняя община состояла из служителей непосредственно храма, а внешняя включала весь город, всех почитателей Бармарена. Если это так, то напрашиваются два вывода. Прежде всего, немалые средства, вложенные в строительство, говорят о состоятельности служителя храма Бармарена и его дома (*byth dnpšh*). Кроме того, существовавшая в городе община Бармарена (*dyr' dy brmryn*) предполагает наличие и других общин (*dyr'*), объединенных вокруг храмов.

³ Ср. араб. *sādin* «служитель (при храме)».

египетская богиня Исида, сестра и жена бога Осириса, в эпоху эллинизма (II в. н.э.) также получила функции богини мироздания. Описание мистерий Исиды дал в своем романе «Метаморфозы» (гл. IX) древнеримский писатель II в. Апулей.

Вместе с тем необходимо привести и другое толкование имени Ишшар. Согласно фонетическим транскрипциям арамейских слов в клинописных текстах, ассирийцы произносили теоним Иштар как Ишшар (State Archives of Assyria. Helsinki, 1987; Dalley, 1995, p. 145, Note 27). Английский ассириолог отметила, что эпитет «Бел» добавлялся к именам разных национальных богов или главных божеств крупных городов, однако только к тем, что вышли из Месопотамии. Возможно, данная точка зрения подтверждается тем, что в сирийском тексте о мученичестве Айталахи упоминается некий жрец богини Арбелы Шарбел, и в данном теониме, похоже, Бел добавлен к имени богини, стянутому до формы Шар вместо Ишшар (Bedjan, 1968, 133; Peeters, 1925, p. 261–304). Добавим также, что в ассирийском первый гласный звук часто опускался, например в урартском царском имени Ишшар-дури/Шардури.

Однако данная версия, несмотря на девственное сходство двух богинь, противоречит тому факту, что и надпись X34 Хатры, и пальмирская CD37/76 сделаны в храмах Аллат. Нет никаких доказанных свидетельств идентичности представлений об Иштар и Аллат.

Надпись X34 сделана от имени жрицы Мартабу (*mrtbw kmrt*). Вероятно, храму Аллат в Хатре служили женщины. Напомним, что в набатейских надписях Аллат — «мать богов» (CIS 182, 183, 185: אלת אם אלהי'א) (в ряде случаев Аллат именуется אלת אלהתהם «Аллат их богиня», как, например, в CIS II 182 из Салхада, Набатея, 65 г. до н.э., и трудно сомневаться, что первоначальное значение богини уходит глубоко в историю). При этом, согласно набатейским и хауранским надписям, Аллат была матерью бога Душары, однако оставалась девственной и незамужней (= *Приснодевой Марией*). Вероятно, такая ситуация создалась потому, что первоначально Аллат рассматривалась как богиня безбрачной любви, поскольку незамужняя и девственная богиня для древнего семита была бы явлением явно аномальным. Де Вогюэ видит в квадратной стеле из Салхата воплощение Аллат, а в подобной же стеле с надписью — воплощение Душары. Эта стела представляла собой черный прямоугольный камень, параллель и предтечу мекканской Ка'бы, и Душаре поклонялись в Петре именно как камню (*Suidas Lex. s.v. Θεός Ἄρης*). Кроме того, следует отметить, что в ат-Таифе Аллат обозначалась *четырёхгранной квадратной* стелой из белого камня (Yāqūt, 4, 337 и Qazwīni, 2, 65).

Епифаний описывает праздник, проводимый в Петре 25 декабря в честь Χαῖρον «девственницы» и ее отпрыска Δουσοῦρος, «единственного сына господина» (Haeg, p. 51).

Говоря о Ка'бе, возможно, следует привести и несколько историй, упоминаемых в Коране. Как отмечено еще М. Сидерским, некоторые из них имеют еврейское происхождение, особенно легенда о царице Савской, возле которой по приказу Соломона угод исполнял деликатные поручения (Коран, 27:20 и сл.) (Sidersky, 1933, p. 122 и сл.). Другие относятся к исконно арабской традиции: «Они говорят еще: это — вымыслы древних, которые он велел записать и которые читаются утром и вечером, чтобы он мог их запомнить» (Коран, 25:5) (пер. Д. Богуславского). Можно вспомнить, что Пророк Аллаха был неграмотным. Но ислам в основном сохранил в памяти представления о древних героях и предках. Между тем Мухаммад старался придать этим историям библейское поручительство, в особенности связанным с личностями времен Авраама. С такой точки зрения эти нововведения представляются отливками в столь же старых доисламских формах архетипа и повтора. Кроме того что Ка'ба, говорит Коран, есть священный дом Бога (Коран, 5:97) и древний храм (Коран,

22:29), это первый храм, возведенный для людей (Коран, 22:26, «мы указали Аврааму место святого дома»).

Слово *Хаафов* происходит от семитского корня **כעב** *ka'b* «куб», т.е. священный камень кубической формы как воплощение самого Душары или его богини-супруги (Аллāt). Набатеи поклонялись Матери и Сыну в форме камней. Ю. Велльхаузен (Wellhausen, S. 50) полагает, что жители Петры видели в Душаре бога, рожденного из камня, своего бетиля. Такой вывод, вероятно, поддерживается и тем, что его бетили в Гайа и Бостре носили собственные имена, как и его трон (**לנללל**), именуемый **ללללל**, о чем сообщает надпись CIS II, 350 из Кабр ал-Туркмана (Horsfield, 1938, p. 33 и Fig. LX, 1; Milik, 1959, p. 560). Вероятно и то, что набатейское имя **לל-Шарā** есть эпитет Руды, родового, наследственного божества североаравийских племен (Teixidor, 1977, p. 88).

Следует напомнить, что это праздник 25 декабря, описываемый Епифанием, есть день зимнего солнцестояния, и он отмечался также у других народов, например финикийцами в Тире в честь Мелькарта или римлянами в честь Сола. Возможно, автор невольно поддался влиянию христианских идей о партеногенезе. По греческим надписям Душара идентифицируется с Дионисом-Вакхом (Hesych. s.v.), но, как обоснованно замечает Ю. Велльхаузен, богу кочевых арабов вряд ли могли поклоняться под первоначальным именем и образом Диониса, поскольку последний был богом оседлых и идолом земледельцев. Кроме того, среди исследователей до сих пор существует мнение, сложившееся более столетия назад, что Душара со временем ассимилировался с Дионисом и Баалом под влиянием ханаанейской и арамейской культур, и, поскольку, по некоторым источникам, Душара первоначально был солнечным богом, такую ассимиляцию нетрудно представить (Baethgen, 1888, p. 95). Сам же Душара в RES 1432 именуется «богом Mnbtw» (*dwšr² 'lh mnbtw*), тем самым обозначая границы своего влияния. Собственно, имя Душары значит «Владыка Шары» (араб. ذو شری), согласно Стефану Византийскому. Что касается имени Шарā, обозначающему какое-то место, то, по Ю. Велльхаузену (Wellhausen, S. 48), были три местности с таким именем, описываемые арабскими историографами как: а) болотистая почва, б) место, где обитают львы, и в) место с водой, деревьями и лесом. Названные местности рассценивались как подходящие для устройства сакрального участка *хима* или теменоса для бога, и Шарā, скорее всего, была именно такой территорией. Между тем, согласно толкованию Тримингема, Зу-Шара следует понимать как «тот, что из дождливых земель». Соответственно, Душара представляет только название бога, настоящее имя которого, вероятно, было **Оротāл**.

Из текста Арриана ясно, что арабы знали кроме Диониса только Урана. Если вспомнить Геродота и сравнить его указание на Душару (= Диониса) и Уранию, почитавшихся арабами, то получается, что Урания за пять веков уступила главенствующее место Урану. Если это не простая ошибка пересказчика, что маловероятно, то перед нами трансформация огромного политико-религиозного значения: перемены в обществе были спроецированы на небесную твердь, и в небесной иерархии примерно на рубеже н.э. произошел переход от матриархата к патриархальному главенству. Вместе с тем вероятно и то, что этот процесс длился достаточно долго: по меньшей мере, в сер. III в. в Джазире Аллат была более влиятельной, а, следовательно, небесная чета Аллат–Аллах сохраняла приоритет женского божества.

Сказанное подкрепляется пальмирской надписью из храма Аллат, согласно которой некий богатый купец сделал: а) из золота и серебра чашу (*mḥd^p*) для Аллат, «его богини», б) из чистого золота (чашу) в честь Бела, Йархибола, Аглибола и Астарты и

в) серебряную чашу для жребия (*lhq*) в честь Баалшамина, Дурехлуна и для богини Белти (*wblty štr*). Возможно, под Белти подразумевалась ал-'Узза, однако привлекает внимание следующая ниже фраза «жертвоприношения для девственной Аллат» (*msqyn lbtlt 'lt*) (Drijvers, 1995, p. 111). Вторым выводом, который можно сделать, опираясь на древнегреческие указания, является имплицитная характеристика двух известных Геродоту арабских божеств: Душара (Ороталт) был солярным богом, а Аллат (Алилат) — лунной богиней. Впрочем, со временем, как показывают недавние нумизматические находки из Млейхи (Восточная Аравия, II в. н.э.), Аллат, возможно, стала приобретать солярный характер, хотя, возможно, это относилось только к локальным ее проявлениям. М. Марактен делает интересное предположение, основываясь на сравнении материалов Геры, Делоса и Млейхи (Marqten, 1996, p. 312). На некоторых монетах из Млейхи (II в. до н.э.), кроме того, после части *tym* появляется конечное š. Можно предположить, как М. Марактен, что мы имеем здесь дело с монограммой. Однако существует и иная возможность, связанная с тем, что конечное š может быть гипокористикой имени šams. «Поскольку многие народы в Северной и Центральной Аравии поклонялись богу Солнца Шамсу под именем Аллат, данная легенда представляет интерес относительно *Temallatos* из Герры не только из-за того, что *tymš* < *tymšms* имеет одинаковый смысл с *tym'lt*, но также в свете того факта, что один из алтарей, посвященных в Делосе Тематаллатосом, украшен солнечным гало» (Marqten, 1996, p. 312).

О влиятельности Аллат говорит среди прочих и следующее наблюдение. Богине поклонялось племя сакиф (ветвь хавазин). Ей был посвящен храм в ат-Таифе: «Это было святилище в центре ат-Та'ифа, скрытое под покровом; здесь ей (Аллат. — И.Н.) приносили жертвы; сакифиты сделали храм подобием Ка'абы и поклонялись ему» (Ибн Шабба, II, с. 501–507). Иными словами, сакифиты построили храм Аллат, по форме напоминающий мекканскую Ка'бу.

Как утверждает традиция, идол богини был главной темой обсуждения между Мухаммадом и делегацией племени, прибывшей в Медину в месяц рамадан 9 г.х. Согласно сообщению Ибн Са'да (ум. 844), «они просили освободить их от разрушения изображений Аллат и ал-'Уззы (*sic lege!*) собственными руками, на что Мухаммад согласился» (Ибн Са'д, I, с. 313). Также описывается сцена торга, где поклонники Аллат просят оставить Аллат на один год (вар.: три года), однако Мухаммад отвергает это предложение (Ибн Хишам, IV, с. 184–185; Вакиди, III, с. 968). Вместе с тем его решительное возражение вызвала просьба об отмене земных поклонов (*пуку'*). В его ответе звучит слово *ат-мāгийа*, «эти идолы; непокорные», что комментируется как относящееся к Аллат и ал-'Уззе (Kister, 1979, p. 4, со ссылкой на Бағави, IV, 140). В действительности упоминание второй богини здесь явно излишнее и, скорее всего, трактовано неверно (Ибн Хишам, IV, 187: 'Абӯ Суфйāн и названный выше ал-Муғйра б. Шу'ба посылались для разрушения идолов (الطاغية). Слово طاغوت происходит, вероятно, от араб. «идол», «идолопоклонничество». Ср. талмуд. «заблуждение», мн.ч. «идолы»).

Страх перед могуществом богини отразился и в том факте, что в ходе переговоров с Мухаммадом глава сакифитов 'Абд Йāлил выразил опасение, что «если Аллат узнает, что племя хочет разрушить ее изображение, то убьет их семьи», на что 'Умар б. ал-Хаттаб заметил, что «это просто камень, который не может отличить тех, кто ему поклоняется, от тех, кто не поклоняется».

Здесь допустимо сравнение с эфиопскими иудействующими сектантами, поклонявшимися богине Санбат (Саббат) и делавшими ей приношения в виде мяса, напитков и благовоний. По сообщению Спенсера Тримингема, когда фалашского дабтару

спросили, как такое обожествление согласуется со Второй Заповедью, он ответил: «Мы боимся, что, если не будем служить Санбат, она лишит нас своей благодати, потому что она — богиня солнечного света, дождя, а также всех мирских удобств»; ср. Trimmingham, 1974. P. 20.

После своего возвращения из Медины делегаты посетили идол Аллат, перед тем как разойтись по своим домам.

Из арабских источников становится очевидным, что в храме Аллат имелась сокровищница *māl* или *ḫizāna*, где хранилось золото, оникс и драгоценности (Ибн Хишам, IV, с. 186). Согласно ал-Вакиди, чтобы открыть сокровищницу, потребовалось сделать яму в половину человеческого роста. Источник добавляет, что в Габгабе, где хранилась казна Аллат, были изъяты драгоценности, покрывало (ثياب), в дополнение к духам (طيب), золоту и серебру (ал-Вāкидī, III, с. 972). Ибн Са'д (V, с. 504–505) и Ибн Хишам (IV, с. 187) оба показывают, что Мухаммад из этих средств выплатил прежние долги, оставленные убитыми сотоварищами, а также отложил часть на джихад. С разрушением храма и ее идола *сакиф* лишился одного из своих важнейших финансовых институтов, служивших племени, как можно догадываться, банком, где хранились расписки и залого. В то же время ничто не мешает думать, что исламизация Ка'бы дала возможность курайшитам сохранить свой храм в Мекке, городе-конкуренте Та'ифа, соперничавшего в качестве финансового центра. О сокровищнице Ка'бы при исламе (например, при Омаре II) в качестве места хранения важных документов см.: ал-Азракī, II, с. 241. По переговорам Мухаммада и сакифитов см.: у Большакова (Большаков, 1989, I, с. 175), отмечающего, что делегация сакифитов оказалась единственной, не присягнувшей Мухаммаду.

Ее почитали в Салхаде и Хегре, однако для Хегры характерно, что Душара ставится уже перед Аллат (CIS II, 198), знаменуя смену главенства в паре. Возможно, здесь отражается тот факт, что в это время в обществе происходили значительные изменения в пользу патриархата, сильные настолько, что роль Душары становится более важной, чем роль его матери. Вероятно и то, что он становится ее мужем.

Итак, мы достаточно надежно можем говорить о тождестве Аллат и ИшшарБел.

В этой связи важным для нашего изложения является понимание словосочетания *bnyṯ klw*. Возможный перевод клаузулы — «строитель (ж.р.) всего» — подразумевает под словом «всё», очевидно, сам город Хатра или же именно этот крупный храмовой комплекс Аллат. Дело в том, что храмы в Хатре «возводились» богами, а помогали им в этом люди, те, кто оставил свои или племенные имена в строительных надписях, сохранившихся на стенах святилищ. Для этих целей используются два глагола ('qm и bn'). Так, согласно X38, ИшшарБел возвела ('qu[mt]) скульптуру старейшины Раб-байа. В X107 между тем следует:

1. [ʔn[n] br 'bygd'br
2. gdy br [ʔbygd br kbyr[w
3. mn bny rpšmš 'drw
4. lšmš 'lh 'rb' 'bd
5. tbt 'byt ḥdy' 'ly'
6. sgyl ḥykl 'rb' 'dy bn'
7. brmryn⁴ lšmš 'bwhy 'l
8. ḥyw w' l ḥy mn dy rḥym ly[

⁴ Ср. AAW. Bd. II. S. 201.

1. [А]на[н] сын АбиГада сына
2. Гаддайа сына [']АбиГада сына Кабира,
3. из бану РафШамш, помогли
4. Шамшу, Великому богу, творящему
5. добро (в) дом(е) радости высшей
6. Эсагиле, храме великом, который построил
7. *Bmryn* для Шамша, своего отца, ради
8. жизни его и ради жизни тех, кто добр к[о мне...

Оставляя в стороне достаточно необычный формуляр надписи, обращаем внимание читателя на следующие ее элементы.

1) Для передачи идеи строительства храма Шамша (в нашем случае — Эсагилы) его божественным сыном Бармареном в тексте используется тот же глагол *bn'*, что фигурирует в надписи об ИшшарБел для передачи идеи творения и созидания.

2) В ст. 6 имеется в виду главный храм города *sgyl* (X191, X225, X244), что должно указывать на его связь с Эсагилей (*sag-gil*, *Sag-gil-a-a* — *Alter Orient und Altes Testament*, S4 (1972). P. 6, 2. и *Idem*. 89,15: «театр; дворец»). Здесь он называется также *hukl'rb'* — «великий дворец» (*Hukl'* первоначально восходит к шумерскому EGAL — «большой дом», который в виде *ekallu* переняли аккадцы, а позднее — евреи и арамеи. См. EA 7,3).

3) В надписи перечисляется пять поколений: «[А]на[н] сын АбиГада сына Гаддайа сына [А]биГада сына Кабира из сынов РафШамша», что предполагает принадлежность данного лица к кровнородственной группе. Представители племени *bny rpšmš*, которые, судя по отчествам (например, *kbyr*), были арабами, помогли (*'drw*) в постройке «Дома радости высшей» (*byt hdy' 'ly'*) Эсагилы. Установлено, что этот главный храм Хатры был возведен в первой четверти II в.

Вторая версия толкования словосочетания *bnyt klw* предполагает, что имеется в виду не «строитель всего», а «устроительница всего».

Алат чаще называлась «госпожа» (рабба). Ибн Шабба со ссылкой на Мусу б. 'Укбу и Зухри отмечает, что идол сакафитов назывался ар-рабба «госпожа», что, очевидно, было связано с табу на произнесения имени могущественной богини. Блюстительница храма Алат назывались «хозяйкой святилища» (раббат-ал-байт): 'Абу Да'уд. Сунан. Т. 1–2. Каир, 1348/1928. I, 195 l.15. В этой связи привлекают внимание два факта из более ранней истории арабов, связанной с Хатрой: а) здесь управляющий храмом также назывался rbyt' = rab bayta (м.р.), и б) хатрийская надпись X35 посвящена 'l rbt 'mrh w'l mn ddhllh, «госпоже его избранной и тем, кто ей поклоняется» (чтение по: Milik, 1972, p. 365). О женском демиурге упоминают уже шумерские письмена, где NIN-LIL также именовалась AN-NA «мать мира (или людей), создавшая тварей на свете».

Важно заметить, что в Угарите Эл в нескольких надписях назван титулом *bny bnwt*, что позволяет его толковать как «создатель творений». Однако в финикийских надписях встречается уже только *qny* «творец», хотя единственно в связи с «сотворением Земли». М. Лидзбарски в свое время поднял вопрос, что означает эпитет *marā 'olmā* (מֶרָא עֹלְמָא): «господин мира» или «господин вечности» (Lidzbarski, *Ephemeris*, I, 258; II, 297), но, как нам кажется, спор здесь неуместен, поскольку в понимании сирийских священников две идеи были неотделимы друг от друга, и одно выражение само по себе охватывало другое, и мир, таким образом, воспринимался вечным. В Пальмире также встречается титул «господин всего» מֶרָא כָּל (Lidzbarski, loc. cit.).

В Вавилоне титул «господин вселенной» был присвоен Шамашу и Хададу (см.: Jastrow, 1902–1907, p. 254, n. 10). Т. Нельдеке, касаясь данного вопроса, указал на следующее: «Несомненно, **עלם** прежде всего (долгое время) означало вечность и что значение „мир“ вторично. Поэтому пальмирское **מרא עלמא** следует понимать как „вечный господин“, что, несомненно, есть **אל עולם**» (Быт. XXI. 33). В библейско-арамейском вообще нет значения «мир», появившегося в более поздних частях Библии (Еккл. III.11). И, насколько мы можем судить, кроме того, в пальмирском слово **עלמא** всегда обозначало «вечность», например в частом выражении **שמח לעלמא לבריד**. Вместе с тем пальмирское **כל מרא** вполне ясно указывает на то, что в выражении **מרא עלמא** видится также значение «Господина мира». Во всяком случае, сирийский перевод видит в еврейском **אל עולם** также «бога мира», т.е. налицо явное формальное отличие между *‘ālām*, St. abs. «вечность», и *‘ālmā* [*āl mā*], St. Emph. «мир»⁵.

Следует предположить, что для древних арабов Хатры главным божеством, творцом всего сущего, была богиня Аллат. Возможно, в приведенных нами надписях отразилось представление населения Северной Месопотамии и Сирии о главенствующей в арабском пантеоне роли богини, которую неслучайно наделили эпитетом демиурга.

Обожествление женского начала, например Великой богини, объединяет несколько древних мифологий. Общеарабские богини Аллат, ал-‘Узза и Манат господствовали по своей важности над богами. Солярное божество Шамс считалось женским многими арабскими племенами. Луна, хотя часто воплощалось в мужском облике, представлялась и как женское небесное светило. Однако наиболее интересным в этой связи кажется то, что святыня Ка‘ба с самого начала возводилась как убежище для Черного камня, который считался символом Великой богини.

Само имя «Ка‘ба», традиционно возводимое к слову, обозначающему куб, более вероятно, восходит к арабскому كعب (كعبة): Kam. Dj. virginitas puellae) и, возможно, также к древнесемитскому QV’ (ср. евр. קַבָּץ «матка»). Отмечается, что граница, окружающая Черный камень, напоминает форму йони, а храм расположен на участке, по своей форме напоминающем яйцевидное тело.

Вместе с тем Иоанн (Мансур) Дамаскин (ум. 749), живший в столице халифата, связывает слово «Ка‘ба» со словом «Кубар», или звездой Афродиты. Другим символом Великой богини являлась полнолунная сфера, и именно лунная богиня была одним из божеств, которым была посвящена Ка‘ба. В доисламских и исламских трудах не раз отмечалось, что Луна управляла судьбами арабского народа. Например, переломная битва в карьере Мухаммада произошла в месте, называемом Бадр, что означает «полная Луна» (Frieling, 1978, p. 48).

Интересно отметить, что в Набатее II–III вв. Душара ставился в надписях впереди Аллат. Вероятно, сказанное можно рассматривать и как отражение социальных изменений в обществе, которые указывают на постепенный переход от матриархата к патриархату.

Высшее место Аллат, известной и под другими именами, со временем займет Аллах, «единственный бог» мусульман (хотя он был известен и почитался до ислама и

⁵ Демиург — греч. «мастер». У Платона в «Тимее» и сам демиург — благо, и все порождаемое им есть всегда благое и прекрасное: «Космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин». И далее: «...следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения». Для сравнения, Гераклитов космос — это «мировой порядок», «тождественный для всех», причем в отличие от Платона этот порядок «не создал никто ни из богов, ни из людей».

фактически был возведен в высший ранг только за счет удаления всех прочих идолов из Ка⁶(бы), но в значительно меньшей степени, чем его «половинка» — могущественная Аллат, богиня *par excellence*, «мать богов».

По хауранской надписи, Аллат — мать богов [(מ) אלת אם אלהי]. То же наименование богини в набатейской надписи CIS 2 185.

Согласно замечанию Лэнгдона, Аллат была вавилонской богиней земли и луны. Ее небесный супруг Аллах по своим функциям являлся не более чем осеменителем земли (Langdon, 1931, p. 5–19).

Сделанный вывод кажется значительно более вероятным, чем признание, что ИшшарБел есть искаженное ИштарБел и относится к богине Арбелы Иштар. В то же время «мать богов», в свою очередь, вполне могла восприниматься как «устроительница всего». Сказанное приводит нас к заключению, что в Хатре демиургом для местных арабов виделась именно богиня, а не бог.

Приведенные выше материалы позволяют сделать несколько предварительных выводов.

1) Для арабского населения Хатры, которое, судя по именам собственным, было здесь подавляющим, именно Аллат была верховной богиней, которая входила в число главных богов города (^ʾlh^ʾ rb^ʾ) вместе с триадой (Маран, Мартан⁶ и БарМарайн) и Бээлшмином, и именно с ней связываются представления местных жителей (арабов?) о «сотворении мира».

2) Развиваясь в тесном общении с великими культурами древнего мира (месопотамской, парфянской, эллинистической, римско-сирийской), культура Хатры постоянно испытывала их влияние и тем самым обогащалась. Однако ее основу составляло культурное наследие коренного древнего населения (по всей вероятности, ассирийцев, судя по специфическим культовым названиям), тех арамеизированных «осколков» месопотамской цивилизации, которая с первых веков н.э. начала тихо и бесследно исчезать, унося с собой и свою клинопись, и древние языки. Иначе было бы невозможно объяснить, что одна из главных святынь Хатры — храм Шамша — назывался Эсагила с недвусмысленной аккадско-шумерской этимологией. Культ Эсагилы, вероятнее всего, пришел в новый город Хатра не из Пальмиры, как это случилось с Апамеей и Дура-Европос, и не из Ашшура, где главный храм назывался Эшарра. Имя пришло из Вавилона, однако этого не скажешь о боге, к которому применялся эпитет Бел. Этим богом в Хатре был Шамш (см. надпись X107), между тем как в Ашшуре таким богом был местный Ашур. Что касается богини Ишшар, как показывает надпись X35, она воспринималась как эпитет арабской Аллат и не была связана с Арбелой.

3) Двойное тождество ИшшарБел с «создательницей мира» и с арабской богиней Аллат дает весомое основание предполагать, что Аллат представлялась местным арабам Джазиры не только как могущественная богиня (об этом свидетельствуют надписи, где она указана как адресат молитвы, а также как ближнее божество к главной триаде хатрийского пантеона), но и как богиня-демиург, та, что «сотворила все».

4) В свете сказанного можно говорить об этапе (возможно, впрочем, и относительно недолгом), когда в космогонических представлениях мир был создан богиней-матерью. Трансформация небесной политеистической иерархии, когда пантеон стал

⁶ В набатейских надписях имеются свидетельства культа двух сестер-богинь, «Marthana und Marthus», которые, если правильны принятые восстановления, почитались на довольно древнем этапе истории Набатеи и, очевидно, также были иностранными для местного арабоязычного населения, как и хатрийская триада для Джазиры.

возглавляться богом, имел, вероятно, такую последовательность: «мать–сын», «мать–муж», «жена–муж» и, наконец, «муж–жена». Неясная полиандрия «наирского» типа, проводившаяся по материнской линии, трансформировалась, по экономическим причинам, а возможно, и вследствие войн и женитьбы на пленных, в женитьбу «ба^алско-го» типа, проводившуюся уже по отцовской линии. В Коране явным отголоском доисламского паритета между парой бог–богиня является слово, использованное для обозначения жены и подруги Аллаха: *сахибба*⁷.

В виде оговорки следует отметить, что текстологические аспекты анализа надписей Хатры и Пальмиры II–III вв. позволяют предположить, что в них ведется речь хотя и об арабской богине Аллат, но в определенной степени это не совсем та Аллат, которую почитали арабы Хиджаза и Центральной Аравии. О разнице свидетельствуют, во-первых, разные формы изображения богини: для эллинизированной Сирии и Ирака (Джазир) характерным была статуя Афины Парфенос, а для Аравии — камень, чаще белый, с конусным или ровным завершением. Кроме того, в II–III вв. в Северной Месопотамии и части Сирии существенным было влияние Вавилона, что отразилось на местных пантеонах. Неслучайно одним из эпитетов Аллат является ИшшарБел — «радость Бела». Впрочем, сказанное отнюдь не отменяет того трепета, почтения и страха, который испытывали арабы перед ней, называемой в более позднее время Госпожой (*рабба*), о чем говорят истории в изложении Ибн Хишама, Ибн Са^ада и ал-Вакиди.

Сокращения и sigлы

- X — Сигл для хатрийских надписей, по: *Vattioni F.* Hatra // *Supplemento n. 81 agli AION* — vol. 54. Fasc. 4. Napoli, 1994.
 AAE — *Arabian Archaeology and Epigraphy.* Copenhagen.
 AAW — *Altheim F., Stiehl R.* Die Araber in der Alten Welt. 5 Bd. B., 1964–1968.
 ARAM — *Periodical of ARAM Society for Syro-Mesopotamian Studies,* Oxf.
 IP — *Inventaire des inscriptions de Palmyre* 1.
 MDOG — *Mitteilungen der deutschen Orientgesellschaft.*
 CIS — *Corpus inscriptionum semiticarum.*
 DISO — *Jean C.F., Hofijzer J.* Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1965.
 RB — *Revue biblique.* P.
 RTP — *Ingholt H., Seyrig H., Starcky J.* Recueil des tessères de Palmyre. P., 1955.
 SEG — *Supplementum epigraphicum graecum.*
 TEAD — *The Excavations at Dura Europos. Preliminary Report, I–IX, 1929–1952.*

Литература

- Ал-Азраки.* Китаб Та^арих Макка. Рукопись Института восточных рукописей, В 697.
Ал-Багави. Ма^алим ат-танзил. Т. 1–4. Каир, 1380.
Большаков О.Г. История халифата. М., 1989, т. 1.
Ал-Вайкиди. Китаб ал-магāзи. Т. 1–3. Ed. M. Jones. L., 1966.
Ибн Са^ад. Ат-табакат ал-кубра. Т. 1–8. Бейрут, 1380–88 /1960–68.
Ибн Сина. Избранные философские произведения. М., 1980.
Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000.
Куртубй. Ал-Джами^а ли-ахам ал-кур^ан. Каир, 1387/1967 (reprint).
Надилов И.И. Хатра. Арабы между Парфией и Римом. СПб., 2009.
Ал-Фараби. Китаб ал-фусус. Хайдарабад, 1347 г.х. С. 5.

⁷ Коран, 6:101: «Как будет у Него ребенок, если не было у Него صاحبة?». Напомню, что кроме «друг, товарищ» данное слово обозначает и «хозяин, господин».

- Ибн Хишам*. Ас-сират ан-набавийа. Тахкик ас-Сакка, ал-Ибйари и Шалаби. Бейрут, 1391/1971.
Ибн Шабба. Та'рих ал-мадина ал-мунаввара. Тахкик Фахим Мухаммад Шалтут, н.р. [1399/1979]. Репринт, Бейрут, 1410/1990.
- Aggoula*, *Semitica* 29 (1979).
Baethgen F. Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. B., 1888.
Bedjan P. Acta Martyrum et Sanctorum IV., reprint Hildesheim, 1968.
Cantineau J. Le Nabatéen. Vol. I–II. P., 1930–1932.
Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922–23). P., 1926.
Dalley S. Bel at Palmyra and Elsewhere in the Parthian Period // *ARAM* 7, 1995.
Drijvers H.J.W. Inscriptions from Allat's Sanctuary // *ARAM* 7 (1995). P. 109–119.
Frieling R. Christendom en islam. de strijd om de mens. Rotterdam, 1978.
Grelot P. Documents araméens d'Égypte. P., 1972.
Jastrow M. Die Religion Babylonians und Assyriens, Bd. 1–2. Giessen, 1902–1907, I, P. 254, n. 10.
Jensen P., Andrae W. Aramäische Inschriften aus Assur und Hatra aus der Partherzeit // *MDOG* 60 (1920).
Kister M.J. Some reports concerning al-Ṭā'if // *JSAI* 1 (1979).
Krehl L. Über die Religion der vorislamischen Araber. Lpz., 1863.
Langdon S.H. The Mythology of All Races, Vol. V, Archeological Institute of America. Boston, 1931.
Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. P., 1965.
Maraqten M. Notes on the Aramaic script of Some Coins from East Arabia // *AAE* 7 (1996). P. 304–315.
Milik J.T. Dédicaces faites par des dieux // *BAH, CXCI*. P. 1972.
Milik J.T. Epigraphie et topographie Palestiniennes // *RB* 4, 1959. P. 550–576.
Milik J.T. Les papyrus araméens d'Hermoupolis et les cultes syro-phéniciens en Égypte perse // *Biblica* 48 (1967).
Peeters P. Passionnaire d'Adiabène // *Analecta Bollandiana* 43 (1925), p. 261–304.
Qazwīni, Zakariā' b. Muḥammad b. Maḥmūd, Kitāb 'aja'ib al-maḥluqāt wa gharā'ib al-mawjūdāt — *El Cazwini's Kosmographie*, ed. F. Wüstenfeld, Bd. I/II. Göttingen 1849.
Schlumberger D. La Palmyrène du Nord-Ouest. Villages et lieux de culte de l'époque impériale. Recherches archéologiques sur la mise en valeur d'une région du désert par les Palmyréniens, suivi du recueil des inscriptions sémitiques de cette région (H. Ingholt, J. Starcky). P., 1951.
Sidersky M.D. Les origines des légendes musulmanes dans le Coran et dans la vie des Prophètes. P., 1933.
State Archives of Assyria. Helsinki, 1987.
Teixidor J. The Pagan God. Popular Religion in the Greco-Roman Near East. Princeton, 1977.
Trimingham J.S. Islam in Ethiopia. L., 1974.
Vogüé C.J.M. de, Syrie Centrale, 2 vols. (Vol. 2. Inscriptions sémitiques). P., 1877.
Wellhausen J. Reste Arabischen Heidentums. B.–Lpz., 1927.
Yāqūt, Mu'ḡam al-buldān. Ed. F. Wüstenfeld. Vols. 1–6. Lpz., 1866–1873.

Summary

I.I. Nadirov

Allat — the Creator of Everything

Based on the analysis of Hatra inscriptions Nos. 34 and 35 (dated 135 AD) and Palmyra inscription CD 37/36, this paper is dedicated to the cult of goddess Allat worshipped by ancient Arabs, bringing into focus, in addition to her function of the “mother goddess”, her aspect of the “demiurge” who “had created everything” (*bnyt kwl*) after the manner of the Canaanite God. The discovery of a prominent role of that goddess in the Arab pantheon of Hatra suggests a stronger Arab influence in the north of Mesopotamia than thought previously. It extended northward at least to the fortress of Hatra that was to be destroyed in 240 by Shapur I. Moreover, it is also probable that Allat was a Moon goddess for the Arabs of the time, and the principal deity at the Ka'ba in Mecca. Another discovery seems to corroborate the influence of Babylon (*sgyl*) and Assyria (*'šrbt*) on Hatra, which is visible in several divine names on surviving local inscriptions.